

Помните: за вашими успѣхами съ трепетнымъ волненіемъ будетъ слѣдить вся Россія,—на ваши подвиги съ высоты негнѣнныхъ престоловъ своихъ съ любовію будутъ взирать всѣ „стоятели“, „радѣтели“ и „печальники“ земли родной, на васъ съ мольбой будутъ взирать несчастные страдалцы, обездоленные жители разоренныхъ непріателемъ мѣстъ....

Сильны наши враги, но великъ и всемогущъ и Богъ земли русской, и Онъ поможетъ вамъ.

Буди Господи, милость Твоя на насъ,

Якоже уповахомъ на Тя!

На Тя, Господи, уповахомъ,

Да не постыдимся во вѣки.

Протоіерей *Порфирій Алексѣевскій.*

☉ Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, ☉

== Миссіонерское дѣло. ==

юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.

Въ селѣ Собакинѣ у вожака хлыстовъ.

Село Собакино, Сенгилеевскаго уѣзда, издавна извѣстно по зараженію хлыстовствомъ и нѣтъ сомнѣнія, что хлыстовство въ немъ устойчиво держится до настоящаго времени уврываясь подъ именемъ духовныхъ христіанъ. Собакино въ нѣкоторомъ родѣ село историческое. Въ болѣе отдаленной древности оно носило именованіе „Чамбулъ“, называясь такъ отъ близъ находящагося озера, при которомъ нѣкогда было татарское урочище. Подъ именемъ Собакина оно стало извѣстно, какъ передаетъ мѣстное преданіе, съ того времени, когда сдѣлалось вотчиной помѣщика Собакина, родственника третьей супруги царя Ивана Васильевича Грознаго, Марѣи Васильевны, урожденной Собакиной. Носило оно еще третье названіе „Ивановское“, — такъ нужно думать отъ того, что

здѣсь построены храмъ во имя святого пророка Предтечи Крестителя Господня Іоанна. Два:—первое и третье названіе забылись и село это теперь исключительно извѣстно подъ именемъ Собакина. Населено оно было „вольницей“; до недавняго времени, передаютъ здѣсь, какъ свидѣтельство древняго воинственнаго духа, были пушки.

Собакино стоитъ на большомъ коммерческомъ трактѣ изъ Ставрополя, Самарской губерніи, въ Москву. Древній отзывъ о жителяхъ Собакина передаетъ о нихъ, какъ о страшныхъ разбойникахъ. „Проѣхавъ благополучно Тереньгу (село Сенгилеевскаго уѣзда), надо было за спасеніе жизни служить молебень, а проѣхавъ Собакино—надо служить обѣдню“.

За болѣе позднее время среди населенія Собакина появилось много портныхъ, занимавшихся своимъ ремесломъ болѣе всего на сторонѣ, по преимуществу въ селахъ заволжскихъ степныхъ губерній. Какъ самый кочующій образъ жизни, такъ и самый родъ занятій, давшій возможность входить въ близкое знакомство съ людьми разныхъ вѣроисповѣданій, повели къ тому, что въ селѣ Собакинѣ появились люди разной вѣры, начиная отъ раскольниковъ и оканчивая самымъ крайнимъ проявленіемъ сектантства—хлыстовствомъ. Вслѣдствіе чего общее религіозно-нравственное состояніе мало по малу падало, порождая полное равнодушіе ко всякой вѣрѣ. „Намъ не до вѣры, а было бы что поѣсть“. Такой жизненный девизъ усвоили себѣ жители Собакина.

Не трудно послѣ этого представить, какая благодарная почва была подготовлена для того, чтобы здѣсь могло упрости́ться разъ занесенное сюда сектантство—хлыстовство.

Бдительность православныхъ приходскихъ пастырей легко вводилась въ обманъ тѣмъ, что священники за часто выходящими на сторону, на заработки, прихожанами не имѣли возможности постоянно и неослабно наблюдать. Какъ послѣдователи тайной секты, заразившіеся хлыстовствомъ, самымъ

тщательнѣйшимъ образомъ содержали свое ученіе въ глубокой тайнѣ, стараясь особенно заботливо наружно показать свою принадлежность къ православной вѣрѣ: аккуратнѣе другихъ посѣщали богослуженіе, почтительнѣе относились къ приходскому духовенству и, что главнѣе всего, охотнѣе удѣляли изъ своихъ средствъ на содержаніе жившаго въ бѣдности приходскаго клира. Всѣ взятыя въ совокупности условія привели къ тому, что хлыстовство въ Собакинѣ развивалось и крѣпло, держится и до настоящаго времени.

Во главѣ мѣстнаго хлыстовскаго карабля теперь стоитъ крестьянинъ Герасимъ Ивановъ Воробьевъ. Въ виду того, что Собакинскіе хлысты ни разу не являлись на посылаемыя мною имъ приглашенія вступить въ бесѣду, я рѣшилъ посѣтить ихъ главнаго вожака Воробьева на дому *). Лично меня до сего времени Воробьевъ не зналъ и довольно охотно принялъ меня въ домѣ. Воробьевъ на видъ крѣпкій, румяный, внушительной полноты старикъ, которому въ настоящее время около, какъ онъ говоритъ, 72 лѣтъ, но по наружному виду столько лѣтъ ему дать нельзя. Съ нимъ проживаетъ полная силъ, среднихъ лѣтъ женщина, Сызранская мѣщанка Е. С. Сп--ва; они имѣютъ двоихъ дѣтей мальчиковъ, лѣтъ по 8—10. Не смотря на столь юный возрастъ, дѣти выглядятъ очень полными и упитанными. Воробьевъ живетъ, судя по сельски, богато и чисто. Средства къ жизни онъ получаетъ отъ своихъ почитателей изъ Самарской губерніи... Тамъ, какъ передаютъ, на его долю производятъ засѣвы, обрабатываютъ землю, убираютъ урожай и въ готовомъ видѣ доставляютъ ему зерномъ и деньгами. Въ его домѣ всѣ стѣны увѣшаны кругомъ картинами и массою фотографическихъ карточекъ, всякихъ размѣровъ. Въ переднемъ, такъ называемомъ красномъ углу, привѣшаны картины величиною не менѣе аршина: „Изображеніе страшнаго суда“, „Тебѣ Бога хвалимъ“, „Тяжко есть

*) Мнѣ пожелали спутствовать священники о.о. Ивановъ и Алмазовъ.

иго сыновъ Адамовыхъ“ и „Избіеніе младенцевъ“. Картины лубочнаго изданія и самыхъ яркихъ красокъ и далѣе, кругомъ всѣхъ стѣнъ, развѣшены фотографическія группы и отдѣльные портреты, несомнѣнно лицъ близкихъ по духу вѣры съ самимъ Воробьевымъ. Болѣе 20-ти карточекъ въ разныхъ позахъ съ самага Воробьева, а также онъ снятъ и во многихъ группахъ, занимая центральное мѣсто.

Войдя въ домъ, я заговорилъ съ Воробьевымъ, о томъ, что хотѣлъ бы, по обычаю христіанскому, помолиться предъ иконами, но, къ сожалѣнію, ихъ не видно. Воробьевъ сразу опредѣлилъ цѣль нашего прихода и, усадивъ меня противъ себя за столъ, закативъ глаза какъ то особенно подъ лобъ, твердо заговорилъ: „кто ты будешь, я не знаю, но вижу что ты пришелъ убѣждать меня, чтобы я пошелъ къ вамъ въ вашу вѣру (разумѣется православную); заранѣе скажу тебѣ: я такъ укрѣпился въ своемъ упованіи, меня ничѣмъ не разубѣдишь, съ 16 лѣтъ я оставилъ „церкву“ и нашелъ истину, а если ты хочешь знать, когда я окончателно порвалъ съ вами всякую связь, то это тому назадъ лѣтъ 7—8 *), когда здѣсь у насъ былъ священникомъ В. М. Дер—нъ, при немъ я и иконы изъ дома вынесъ съ тѣхъ поръ у меня ихъ и нѣтъ“.

Чѣмъ же это, любезный, сказалъ я ему въ отвѣтъ, святыя иконы стали тебѣ такъ не пріятны, что ты ихъ съ глазъ долой убралъ? Уже-ли, называясь христіаниномъ, не пріятно ли видѣть изображеніе Единаго Хоцатая нашего спасенія Господа нашего Иисуса Христа, образъ Его Пречистой Матери, Присно-Дѣвы Маріи, лики Его святыхъ угодниковъ? Пребывая въ домѣ, святыя иконы живѣе напоминаютъ намъ возгрѣвать въ себѣ самыя высокія и самыя святыя чувства, напоминая намъ непрестанно о Господѣ Богѣ, о нашей необходимости спѣшить искать чрезъ молитву предъ ними на-

*) Т. е. въ 1906 году, послѣ того какъ дарована была свобода вѣроисповѣданія.

шего спасенія. Добрый христіанинъ никогда не рѣшится вынести изъ дома святыхъ иконы: онъ чрезъ присутствіе ихъ въ домѣ надѣется привлечь себѣ благословеніе Божіе. Ты бы, покрайней мѣрѣ, не трогаль бы у себя въ домѣ иконъ изъ уваженія къ нашимъ православнымъ исконнымъ обычаямъ. Мы, — православные, привыкли дорожить святыми иконами, съ ними и въ домѣ-то какъ-то уютнѣе и лучше. Войдетъ человекъ въ домъ, помолится, и сразу видно, что онъ человекъ близкій тебѣ, родной по вѣрѣ, съ нимъ и бесѣдовать-то какъ-то невольно дѣлается пріятнѣе — теплѣе.

„Напрасно ты объ этомъ говоришь, прервалъ меня Воробьевъ, „иконы мнѣ не нужны, я тебѣ сейчасъ и объясню почему? Правда, на иконахъ пишутъ все святыхъ, а почему они стали святыми? Святые-то молились со слезами, потому и стали образами. И мы постоянно молимся, вздыхаемъ прямо къ Богу, потому обходимся безъ иконъ, да не хуже вашихъ — православныхъ-то живемъ: не пьянствуемъ, ни табакъ не куримъ, на улицу пошататься не ходимъ, и другой науки намъ не надо, какъ укрѣпились, такъ и останемся“.

Что у васъ есть хорошаго, то мы не хаемъ, продолжалъ я, а къ тому же зовемъ и православныхъ: не пьянствовать, не курить, на улицахъ не безобразничать; это твоя рѣчь хорошая, съ нею я согласенъ, а сколько за хорошимъ у васъ кроется дурного, я пока объ немъ не буду говорить, а указываю тебѣ, что ничего въ томъ нѣтъ хорошаго, что ты вынесъ иконы. Ты уже сказалъ, что у тебя иконы лѣтъ 7—8 тому назадъ были въ домѣ, что же? отъ этого жизнь твоя развѣ была хуже? А мнѣ кажется, вынеся иконы, ты многого лишился. Взглянешь бывало на икону и живо вспомнишь, какъ ты предъ нею молился, изливаль свои просьбы предъ Богомъ. Вспомни-ка, какимъ ты былъ до 16 лѣтъ, когда еще былъ православнымъ и молился предъ иконами, и что съ тобою стало потомъ? Ужели ты сталъ лучше, чище, чѣмъ былъ въ юности? Я вполне увѣренъ, тебя, какъ и

другихъ, и родители также благословили иконою святою, и ты даже ее не сберегъ, вынесъ, — не исполнилъ ихъ, такъ сказать, завѣщанія. Нѣтъ, какъ угодно, Г. Ив., не хорошо ты сдѣлалъ, что изъ дома вынесъ иконы.

Воробьевъ вновь заговорилъ: „мы, не какъ молokane, считаемъ иконы только не нужными, а ихъ не хулимъ, не считаемъ ихъ за идоловъ; по моему тотъ идолъ, который самъ себя грѣху выдалъ, а мы живемъ тихо, смирно, никого не обижаемъ, воровствомъ не занимаемся, вамъ нѣтъ и необходимости перечислять свои грѣхи предъ иконами, вотъ ихъ и убрали. Мы не согласны молиться такъ, какъ дѣлаютъ многіе изъ вашихъ православныхъ: возьмутъ въ руки четки и давай считать сколько Богу поклоновъ сдѣлаютъ. Какъ это я буду Бога учитывать, молиться Ему по счету, а грѣхи дѣлать безъ счета!“

Напрасно, Г. Ив., ты такъ говоришь, было моимъ отвѣтомъ, — что нѣкоторые изъ православныхъ, если и творятъ молитву съ четками въ рукахъ, такъ это дѣлаютъ совершенно не за тѣмъ, чтобы Бога учитывать, а, если они и учитываютъ, такъ учитываютъ только себя, желая изъ послушанія выполнить требованіе церковнаго устава. Положено, напримеръ, сдѣлать извѣстное число поклоновъ, или произнести столько то молитвъ, молящейся изъ желанія быть послушнымъ руководству святой церкви и въ тоже время не разсѣиваться въ мысляхъ, механически и перебираетъ четки и по привычкѣ всегда легко для себя опредѣлить то число поклоновъ или молитвъ, какое онъ сдѣлалъ. За что же этотъ обычай называть дурнымъ?

Ты вотъ уже въ очень многомъ упрекнулъ насъ православныхъ, какъ мы молимся, какъ живемъ, а о себѣ то ни слова не сказалъ, какъ ты то молишься Богу и какіе употребляешь при этомъ обряды?

Воробьевъ, снова закативъ глаза къверху, взволнованно, придерживая руками грудь, глубоко и шумно вздохнулъ и

произнесъ: „изъ глубины сердца въздыхаемъ Господу Богу, Онъ знаетъ Самъ наши грѣхи, слезно помолимся и вѣруемъ, что Онъ услышитъ наше сердечное сокрушеніе и очиститъ насъ отъ всякой грѣховной нечистоты“ и какъ бы застылъ въ умиленной позѣ... „Какъ мы молимся, какіе у насъ обряды?—ты хочешь знать, да никакихъ: мы духовные христіане, какіе у насъ могутъ быть обряды,—кто какъ умѣетъ, тотъ такъ и молится, не на иконы, а прямо къ Богу. Да зачѣмъ тебѣ объ этомъ нужно знать, я тебѣ уже сказалъ, что я укрѣпился въ своемъ упованіи и меня ни чѣмъ не разубѣдить тебѣ“.

Очень жаль, замѣтилъ я, что ты съ такимъ предубѣжденіемъ говоришь со мной. Предположимъ, что я тебѣ сталъ бы говорить самую настоящую истину, что ты и тогда бы отъ нея отвратился? Не самъ же собою, а по уговору кого-либо другого мѣнялъ ты раньше свои религиозныя убѣжденія: въ юности, какъ сказалъ, былъ православнымъ, потомъ, выдавалъ, мнѣ извѣстно, себя за молоканина, а теперъ называешь себя духовнымъ христіаниномъ; поддавался же ты убѣженію другихъ, а это и мнѣ позволяетъ думать: можетъ быть не западетъ ли какое спасительное словечко и въ твое сердце и не расположитъ ли тебя вернуться къ той истинной и святой вѣрѣ, въ которой ты родился и прожилъ юность. Не пора ли тебѣ, Г. Ив., бросить свое мнимо-духовное христіанство, о которомъ идетъ самая дурная молва, и народъ называетъ здѣсь его хлыстовствомъ, а хуже этой вѣры, соединенной съ самыми мерзкими грѣхами, и придумать трудно.

„Пусть, заговорилъ Воробьевъ, „что хотять, то про насъ и говорятъ, никакихъ хлыстовъ я не знаю. Мало ли кого ругаютъ; да не всякой брани вѣрить можно и вамъ слушать не совѣтовалъ бы“. Голосъ Воробьева сталъ мягче и онъ перевелъ рѣчь на молоканъ. „Вотъ молокане всѣхъ повосятъ, а сами то что? Молоканство—это ежсва одежда, кто ихъ не

знаеть, для тѣхъ они кажутся хорошими, а спознаеть, такъ почувствуетъ, какъ они больно жалеть“.

Пользуясь свободной минутой, я сталъ всматриваться въ карточки и на одной изъ нихъ, гдѣ Воробьевъ снятъ съ двоими подобными ему лицами, остановилъ вниманіе и спросилъ Воробьева: эти лица, какъ будто мнѣ знакомы, я ихъ гдѣ-то видѣлъ, не назовешь ли ихъ имена? Воробьевъ, не знаю отъ неожиданности вопроса, или по другой какой причинѣ, улыбувшись, сказалъ: „это Семень Никитичъ Григорьевъ, изъ села Грачей, Самарской губерніи, а другой—изъ села Домашки той же губерніи Григорій Рѣшетниковъ“.

Вотъ какое странное совпаденіе, удивленно я замѣтилъ, о тебѣ самомъ, Г. Ив., говорятъ, что ты прикрываешься только именемъ духовнаго христіанина, а на самомъ дѣлѣ стоишь здѣсь во главѣ хлыстовскаго корабля, и въ названныхъ тобою селахъ также не мало, какъ слышно, проживаетъ хлыстовъ и я въ правѣ теперь думать, что и Григорьевъ и Рѣшетниковъ одной съ тобой вѣры—хлыстовской, почему вы вмѣстѣ и снялись. Хотя ты раньше мнѣ и сказалъ, что никого изъ хлыстовъ не знаешь, а теперь я остаюсь въ сильномъ сомнѣніи, что ты съ ними очень близокъ и хорошо знакомъ, но только не хочешь въ томъ признаться. Разсѣять мои сомнѣнія и показать предъ народомъ, что ты съ хлыстами не имѣешь никакого общенія, я и приглашаю тебя завтра открыто со мною побесѣдовать. Теперь же скажу тебѣ и цѣль своего прихода: я шель къ тебѣ лишь только за тѣмъ, чтобы пригласить тебя завтра на публичную бесѣду и не рассчитывалъ сейчасъ говорить съ тобою; главной-то цѣли моего прихода ты и не узналъ.

Воробьевъ непреклонно отвѣтилъ: „ни на какую бесѣду я не пойду, никакой науки мнѣ не надо, какъ я укрѣпился, въ томъ и останусь и слушать другихъ мнѣ нечего“. Мнѣ осталось только распротиться. Проводить меня Воробьевъ

вышелъ въ сѣни, въ сѣняхъ было совершенно темно, я скалъ Воробьеву: а вотъ въ селѣ Крестниковѣ люди одной съ зтобой вѣры мнѣ говорили, что въ вашей вѣрѣ показываютъ какія то видѣнія, можетъ быть и ты, пользуясь настоящимъ удобствомъ, покажешь что нибудь? Воробьевъ ничего не отвѣтилъ и молчаливо отперъ задвижку и выпустилъ меня въ дверь.

Всякій разъ послѣ встрѣчи съ подобными Воробьеву лицами, совершенно чуждыми истиннаго христіанскаго направленія, поразительно живо припоминаются святыя пророческія слова Самого Господа нашего Іисуса Христа, запечатлѣнныя во Св. Евангеліи: „пріидуть дни, когда пожелаеъте видѣть хотя одинъ изъ дней Сына Человѣческаго, и не увидите; и скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь, или: вотъ тамъ,—не ходите и не гоняйтесь (Лук. 17, 22—23). Тогда если кто скажетъ вамъ: вотъ, здѣсь Христосъ, или тамъ, не вѣрьте; ибо **возстануть лжехристы и лжепророки** и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Какъ **Я напередъ сказалъ вамъ**. И такъ, если скажутъ вамъ: вотъ Онъ въ пустынѣ,—не выходите; вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ,—**не вѣрьте!** (Матѣ. 24, 23—26).

Эти святыя пророческія слова съ неодолимымъ желаніемъ и хочется напомнить всѣмъ русскимъ людямъ, которымъ на своемъ жизненномъ пути случится встрѣтить лжехриста или лжепророка, выдающаго себя за живаго Бога, не вѣрьте ему,

Вѣра истинная и спасительная есть для всѣхъ людей одна, дарованная намъ однажды воплотившимся и вочеловѣчившимся Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Который есть Альфа и Омега, начало и конецъ нашего спасенія, какъ Первый и Послѣдній. (Апок. 1, 8—10).

Протоіерей-миссіонеръ *Алексій Сокольскій*.

